

ДРЕВНЕРУССКИЕ И СТАРОРУССКИЕ ИДИОМЫ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Традиционно основой фразеологического состава языка вообще и на каждом отдельном этапе его развития являются идиомы (фразеологические сращения), в которых наблюдается абсолютная семантическая спаянность компонентов [2, с. 171]. В. В. Виноградов указывал, что это фразеологические обороты, «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» [1, с. 121].

Существует мнение, высказанное В.М. Мокиенко в предисловии к «Фразеологическому словарю старославянского языка», что «в древнейший период устойчивое и неустойчивое во многом ещё находилось *in statu nascendi* (в состоянии зарождения, возникновения), а идиоматическое ядро фразеологии ещё не приняло даже более или менее чётких очертаний» [3, с. 6]. Полагаем, что это не так, и попытаемся доказать наличие идиоматичных единиц в древнерусском и старорусском языках.

Известно, что все фразеологические сращения (идиомы) когда-то были мотивированными (образными или необразными) оборотами. Со временем их внутренняя форма потеряла прозрачность, и мотивированность стерлась. Для установления первичного значения подобных оборотов используется историко-этимологический анализ. Мы рассмотрим некоторые древнерусские и старорусские идиомы, применяя компонентный анализ. Это позволит выяснить, насколько значение всей фразеологической единицы вытекает из значения составляющих слов, а значит установить ее идиоматичность.

Материалом данного исследования служат устойчивые обороты, извлеченные из «Словаря русского языка XI–XVII вв.» и «Словаря древнерусского языка XI–XIV вв.» (под. ред. Р. И. Аванесова), приведенные в словарных статьях с ромбовой пометой. Древнерусскому и старорусскому языкам известно большое количество подобных единиц. Здесь и далее для их передачи используем упрощенную запись. Например, *валитися в ротъ* — ‘доставаться без труда’; *ветр гонити, пасти* — ‘предаваться пустым затеям’; *высокая мышца, рука* — ‘всемогущество, власть’; *грязи вавилонские* — ‘блуд, греховный поступок’; *костью двинути* — ‘нарушить завещание’; *въ сей час* — ‘немедленно’; *связати языкъ* — ‘заставить замолчать’; *замолвити слово* — ‘заступиться’; *от мала до велика* — ‘все, не зависимо от возраста’; *ни жив, ни мертвъ* — ‘испугавшийся’; и многие другие. Рассмотрим некоторые из них.

Изучая древнерусские и старорусские устойчивые сочетания, мы выделили фразеологический оборот *въити в оуши*. Данный фразеологизм относится ко времени функционирования древнерусского языка, что отражено в словарной статье с указанием на дату фиксации устойчивого оборота в текстовом документе. Устанавливая степень спаянности его

компонентов, произведем анализ значений, входящих в состав оборота. Итак, фразеологизм *въйти в оуши* употреблялся в значении 'стать известным'. Приведем пример употребления оборота в контексте: *и ре(ч) имъ Изяславъ(л) посоль ... тако ми вошло во оуши. сожемя ведете мяльстью. а ко Стославоуестехр(с)тъ целовали къ Олговичю...ЛИ ок. 1425, 127 (1147). [СДЯ, Т. 2, с. 152]. В словаре приводится значение глагола *въйти* 'Ид|оу, — еть гл. 1. Войти; 2. В соч. с некоторыми с. — Оказаться в состоянии, выражаемом этими с.; 3. Выйти' [СДЯ, Т. 2, с. 152]. Значение слова *оуши* (*уши*) — 'орган слуха человека' является для нас понятным и не требует дополнительных разъяснений. Таким образом, выражение *въйти в оуши* не может восприниматься буквально по значению глагола *въйти*, а значит, налицо переосмысление основного понятия и поэтому есть основания считать данную фразеологическую единицу идиомой.*

Изучение собранного языкового материала позволило выделить из общего количества фразеологических единиц оборот *бряцати языкъмъ* со значением 'возглашать'. Представленный оборот зафиксирован в Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. с ромбовой пометой и проиллюстрирован примером из текста: *аще бо быхомъ боле разума имели. то доброгл(с)нымъ языкомъ быхомъ бряцали. беспрестани хвалу его [Иисуса] Пал. 1406, 83а [СДЯ, Т. 1, с. 321] ~ XIII в. Используя ранее предложенный метод описания устойчивых единиц, проанализируем данный оборот. Попытаемся определить, происходит ли в этом выражении переосмысление значения и какова степень его фразеологизации. Обратимся к статье словаря с глаголом *бряцати* — *бряца|ти* — -ю, -еть гл. *Бряцати въ (что-л.)* — 'звучно ударять чем-л., почему-л.; играть на струнном музык. инструменте'. Можно предположить, что перед нами идиоматическая единица, поскольку значение компонентов претерпело изменения и переосмыслилось. Отметим, что Словарем русского языка XI–XVII вв. описываемый фразеологизм не фиксируется, а в словарной статье глагол *бряцати* даётся со значением 'возглашать' с пометой — переносное значение, да и сам глагол подаётся только в значении 'бряцать'. Возможно, это связано с неоднозначностью оценок фразеологических оборотов при составлении и фиксации в словарях, а возможно, с изменением характера функционирования самой фразеологической единицы в языке того времени.*

Старорусский период существования языка характеризуется интенсивным пополнением фразеологической системы. Появляется большое количество устойчивых выражений, отражающих различные стороны жизни. Обратимся к выражению *во сне брусити* — 'бредить, бормотать', обозначенному в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» ромбом и значит являющимся с точки зрения составителей словаря фразеологизмом. Попробуем разобраться, идиома перед нами или фразеологическое сочетание. Так, *брусити* — 'обтёсывать или опиливать (брёвна), изготавливая сучья'. Значение слова *сон* хорошо известно и современному человеку, поэтому его не приводим. Соединим значения: **во время сна обтёсывать брёвна*, и видим, что в реальной действительности спать и совершать действие, выраженное глаголом *брусити*, не представляется возможным.

Соответственно, значение фразеологизма не соотносится напрямую с действительностью, и уже на данном этапе развития языка это выражение переосмысливается, и значение всего выражения не выводится из значения его составляющих. Приведём текстовый пример употребления рассматриваемого фразеологизма: *Вот, реку, она во сне брусит и слушать нечево!* Ав. Кн. бес., 397. 1675 г. [СлРЯ, В. 1, с. 340]. Контекст в таких случаях не объясняет значение устойчивого оборота, но отображает его связи с другими словами в предложении.

При анализе устойчивых неоднословных наименований, нами был выделен фразеологический оборот *до черного волоса* со значением 'целиком, полностью': *И что ему великие люди давали, то все положили перед шахом и до черново волоса.* Посольство Тюфякина, 438. 1597 [СлРЯ, В. 3, с. 7]. И снова обращаемся к словарной статье, в которой и зафиксировано данное устойчивое выражение: 'волос м. 1. мн. Волосы, 2. Шерсть животных, а также волосы из хвоста и гривы лошадей' [СлРЯ, В. 3, с. 7]. Поскольку отсутствуют выпуски «Словаря русского языка XI–XVII вв.» на букву Ч, значение компонента *черный* находим в историко — этимологическом словаре: 'самый тёмный, темнее любого другого цвета'; 'имеющий цвет сажки или угля'; 'противоположный белому'; и переносное значение 'безрадостный, мрачный'; 'тяжёлый'. Др.-р. (с XI в.) 'черный', 'темнокожий', также 'незнатный', 'тяжёлый' [4, Т. 2, с. 383]. Изучение компонентного состава приведенного фразеологизма показало, что значение фразеологизма не выводится из значения его составляющих. Без специального историко-этимологического анализа не ясен путь возникновения и фразеологизации данного выражения.

На основании проведенных нами наблюдений можно сделать некоторые выводы, претендующие на статус промежуточных. Уже в раннюю письменную эпоху существования древнерусского языка идиомы как особый тип фразеологических единиц присутствовали. Древнерусский и старорусский языки располагали развитой системой фразеологических средств, нашедших своё отражение в памятниках письменности. Таким образом, древнерусские и старорусские идиомы — реальность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М.: Наука, 1977. — С. 118–139.
2. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности. — Минск: БГПУ, 2003.
3. Фразеологический словарь старославянского языка (Прспект). — М., Магнитогорск, 2006.
4. Черных П.Я. Историко — этимологический словарь современного русского языка. — М.: Русский язык, 1999. — В 2 т.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

СлРЯ — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Рос.акад. наук. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; гл. ред. Г.А. Богатова. — М.: Наука, 1975–2008. — Вып. 1–28.

СДЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. / Под.ред. Р. И. Аванесова. — М.: Наука, 1988–1992. — Т. 1–4.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ